

Софья Чуйкина

**«БЫТ НЕОТДЕЛИМ ОТ ПОЛИТИКИ»: ОФИЦИАЛЬНЫЕ
И НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ «ПОЛОВОЙ» МОРАЛИ В
СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ 1930—1980-х ГОДОВ**

Введение

В современных исследованиях сексуальной жизни в СССР отмечается, что одна из особенностей периода советской истории с 1930-х по 1980-е годы — ориентация государственной идеологии и политики на подавление и замалчивание сексуальности (Кон 1997). Отсутствие публичного дискурса о проблемах секса отразилось на организации сексуальной жизни советских людей и явилось отличительной особенностью СССР по сравнению с европейскими капиталистическими странами (Rotkirch 2000). Проблема исключения определенных тем из публичной жизни советского общества уже обсуждалась и исследовалась, а эта статья предполагает познакомить читателя с тем, *что присутствовало* в советской дискуссии о «половой» («интимной») жизни и как *это* отражалось на жизни советского общества.

Для решения поставленной задачи был проведен вторичный анализ статей историков и социологов на тему сексуальности и семьи в СССР. Эти российские и иностранные исследования в качестве первоисточников о советской идеологии использовали материалы, которые были опубликованы до середины 1980-х годов — от специальной (в том числе юридической, медицинской, социологической) литературы до писем читателей в газеты. Также мною были проанализированы биографические интервью с жителями Санкт-Петербурга (Ленинграда)¹ и выборочно советские периодические издания.

¹ Интервью проводились в рамках проекта «Социальные изменения и куль-

На основании анализа данных материалов я собираюсь ответить на следующие вопросы: Какие темы «замещали» в советской идеологии и пропаганде отсутствие дискурса о сексе? Что приходилось слышать на эту тему по радио и читать в газетах всем без исключения советским людям, независимо от их отношения к пропагандируемым идеалам? Какие возможности индивидуального выбора в частной жизни предоставляла экономическая и демографическая ситуация, обусловленная законодательством о семье и социально-историческим контекстом в разные периоды существования советского общества? Как различия в сексуальном поведении связаны с существовавшей в СССР системой социального неравенства? Что считалось нормой и отклонением от нормы в повседневной морали представителей различных социальных страт и сред советского общества?

В первой части статьи анализируются основные принципы советской идеологии в отношении «половой» («интимной») жизни, брака и семьи, во второй части — этапы сексуальной/семейной политики и в третьей части обсуждаются нормы поведения в социальных слоях советского общества, стратифицированных в соответствии с их политическим статусом.

Формирование официальных моральных норм

Исследователи сходятся во мнении, что к середине 1930-х годов в идеологии и политике советского государства произошел переход от идей радикального переустройства института семьи и «сексуальной революции» послереволюционного периода к установкам на консервативные ценности стабильной семьи. Расхождения между историками в этой области касаются следующего: произошло ли действительно изменение идеологии от радикализма к консерватизму в 1930-е годы (Geiger 1968, Stites 1978) или это изменение является мифом, поскольку в сфере сексуальности и семьи взгляды идейных лидеров партии были и в 1920-е годы консервативны, за исключением небольшого и менее влиятельного левого крыла (Farnsworth 1977, Clements 1992). Но все исследователи сходятся на том, что «великий откат» от революционных идеалов (Timasheff 1946), последовавший за сталинской декларацией построения основ социализма (1936), затронул сферу семейных от-

турная инерция в России», см. выше: «Российская трансформация и сексуальная жизнь (вместо введения)».

ношений так же, как и другие сферы жизни общества. К концу 1930-х сформировалась советская идеология сексуальности и семейных отношений, которая в основных чертах оставалась неизменной в последующие полстолетия и определяла положительные образцы поведения, во многом воспринятые населением как нормативные.

Индустриализация и коллективизация периода первой пятилетки (1928—1932), строительство новых предприятий и рост городов сопровождалось огромными волнами миграции в города из сельской местности. В середине 1930-х в Ленинграде и Москве количество недавних мигрантов превышало количество коренных жителей и составляло большинство населения. Интенсивная миграция, которая способствовала решению экономических задач, создавала много социальных проблем, связанных с адаптацией «новых горожан» (Витухновская 2000а). Как указывает С. Голод, миграция в города способствует «либерализации» мужской сексуальности, росту проституции, распространению венерических заболеваний и увеличению психических отклонений (Голод 1996: 171–172). Период первой пятилетки характеризуется, кроме того, массовым вовлечением женщин в производство и появлением новой проблемы — «безнадзорности» детей, наряду со старой проблемой «беспризорности» сирот (Goldman 1993: 317). Занятость женщин на работе параллельно с дезорганизацией общества и неуверенностью в завтрашнем дне способствовали тому, что даже самые благополучные из них, образованные, замужние и имеющие средний или высокий доход предпочитали иметь мало детей, и рождаемость падала (Goldman 1993). Изменение статуса женщин, волна мигрантов и появление социальных проблем, связанных с индустриализацией и урбанизацией, требовали формирования новой идеологии и социальной политики в отношении любви, семьи и частной жизни в целом. Новая идеология была ориентирована на «нового человека» сталинского времени, открытого восприятию советских норм и прежде всего — на мигрантов, выходцев из крестьян и горожан в первом поколении, которые составляли большинство населения крупных городов в это время.

Идеологи 1930-х годов обсуждали несколько тем, прямо или косвенно связанных с регулированием сексуального поведения: что такое любовь при социализме, какой должна быть советская семья, какова доля ответственности семьи и государства в воспитании детей, в чем заключаются основные принципы «правиль-

ного» материнства и родительства. По традиции, возникшей еще в 1920-е годы, любовь и все, что с ней связано, относилось советскими идеологами к «бытовым вопросам»². «Бытовой фронт» всегда считался одним из важных участков идеологической работы и пропаганды, и все известные советские партийные лидеры публиковали статьи на бытовые темы. Любовь, относящаяся к бытовой сфере, являлась также вопросом политическим. Иными словами, поведение человека в любовных, сексуальных и семейных отношениях (наряду с манерой одеваться, способами проведения свободного времени и т. д.) считалось свидетельством определенной политической позиции, лояльности или нелояльности партийной линии. Поэтому возникла необходимость появления критериев оценки «правильного» и «неправильного» поведения в частной жизни и способов контроля, регулирования, поощрения и наказания.

Важный импульс созданию системы партийного контроля за частной жизнью коммунистов и комсомольцев придал И. В. Сталин, который в период разгрома право-троцкистского блока высказал идею, в дальнейшем растиражированную в прессе, о том, что люди, «разложившиеся» в быту, могут легче попасть под влияние классовых врагов, чем «морально устойчивые». «Комсомольская правда» на первых полосах неоднократно предупреждала, что «за невинной якобы бутылкой вина троцкистско-бухаринские бандиты завязывали с малоустойчивыми людьми дружбу, втирались к ним в доверие. Хамское отношение к женщине возводилось в доблесть, бытовая распущенность окружалась романтическим ореолом. И в результате кое-кто попадал во вражеские сети. ... Быт и политика неразрывно связаны между собой, они неотделимы. От бытовой распущенности до политического падения — один шаг. Стоит человеку потерять моральный облик, как его легче всего свернуть с правильного политического пути. И никогда об этом не следует забывать»³. Комсомольский и партийный контроль в конце 1930-х годов стал не только пропагандой, но и реальностью. В газетах пишут, например, о том, как комсорг в выходной день обходит общежитие, проверяя поведение комсомольцев в быту. В послевоенные годы, когда исчезла драматическая политическая риторика 1930-х годов, утверждение, что «моральный облик» и «правиль-

² См., например: Комсомольский быт. 1927. М.; Л.: Молодая гвардия и Слепков А. (ред.) 1926. Быт и молодежь. М.: Правда и Беднота.

³ Быт неотделим от политики // Комсомольская правда. 1939. 22 июля.

ный политический путь» взаимосвязаны, осталось актуальным для советской идеологии и пропаганды.

Кроме того, что любовь была политическим вопросом и поведение в частной жизни контролировалось партией, с середины 1930-х годов начали создаваться «новые советские» концепции мужественности и женственности, брака и семьи, пропагандировались правила поведения с представителями противоположного пола. В центральной прессе начинает очень часто использоваться слово «воспитание», подразумевающее воспитание одновременно и детей, и взрослых. Не случайно самыми влиятельными идеологами предвоенного периода в вопросах любви и семьи стали Н. К. Крупская и А. С. Макаренко, которые были известны широкой общественности прежде всего как воспитатели подростков. Они оба считались классиками советской педагогики и в послевоенный период.

К 1937—1938 годам были сформулированы основные принципы советской официальной идеологии частной жизни, которые остались неизменными вплоть до 1980-х годов.

«Новые» мужчины и женщины, стандарты мужественности и женственности

Очерки на бытовые темы, регулярно публикуемые в «Правде», «Комсомольской правде» и в других центральных газетах, рисуют читателю портреты реальных или вымышленных отрицательных и положительных героев⁴.

Отрицательные герои, жертвы пережитков прошлого, представляют собой два противоположных типа людей: с одной стороны — это «франты» («модники», «клешники»), а с другой — «некультурные обыватели» (мало работающие, «политически апатичные», «замкнутые в мире семьи»).

Мужчине-«франту» приписываются следующие характеристики: «несерьезный», «сердцеед», «человек без всяких правил в жизни», «развинченный», «франтоватый», «лихой танцор», «носит яркий галстук», «залихватские манеры», «обладатель туфтяного зуба — зуба очарования специально для девушек», «ходит в шляпе

⁴ Определения отрицательных и положительных героев, помещенные в кавычки, взяты из серии 11 очерков на бытовые темы «Жители одной комнаты» и «Жительницы одной комнаты», опубликованных в «Комсомольской правде» в апреле-июне 1935 года.

и в жилете, потому что хочет во всем быть похожим на помесь американского гангстера с отечественным пижоном», «говорит на сложной комбинации бюрократических и иностранных слов». Отрицательной героине — «моднице» приписываются такие черты: «носит юбки клеш, лихорадочно следит за ложно понятой модой», «дочь торгсина», «бесславная жертва бездумного, слепого подражательства всему заграничному», «соблазняется безвкусной расцветкой, мещанской красотью», имеет «золотой зуб», «пудрится на работе», «не уважает родителей», «не хочет иметь детей», «пустоцвет». Отрицательному мужскому персонажу противоположного типа, которого называли «некультурным», приписывается следующее: «ходит в грязной одежде и не чистит ногтей», «наступает на ногу и не извиняется», «гонится за дешевкой из соображений фальшивой экономии», «без огонька в глазах». Женщину-«обывательницу» характеризует «плохое влияние на мужа», «отсутствие интереса к жизни завода и коллектива».

В послевоенные годы на смену «клешникам» пришли новые отрицательные герои: «стиляги», затем «хиппи». Облик положительного советского героя — образованного, но трогательно неловкого и простого человека также остается актуальным в послевоенные годы.

Положительные герои, появившиеся в середине 1930-х годов и соответствующие идеалу «нового человека», являются «культурными», но в то же время не модниками, не мещанами, активными общественными работниками и работницами.

Положительный герой-мужчина имеет высшее образование, предпочтительно техническое, и работает на производстве; он — «комсомолец», «ударник», «премированный наладчик станка», «веселый, энергичный, добродушный», «одет в новый и несколько мешковатый костюм». Он «физкультурник», «имеет культурный вид», «опрятно одевается», «следит за собой». У него «чистый воротничок», он «после работы моет лицо». Он «научился не чавкать за едой» и «подает стул девушкам». Он «не сквернословит». Он «самостоятельный, с хорошим характером», не «шляпа» и «не ревнивый». Он «видит в девушке товарища», «не ходит на поцелуйные вечеринки». Он «издает стенгазету и готовится к Первомаю».

Положительная героиня — «культурная девушка, с которой можно по-товарищески душевно поговорить». Она «полна задора, молодости, веселья, искрящаяся радостью жизни». У нее «развито чувство меры и подлинной красоты», она «покупает одежду

в лучших магазинах центра», она «не прибегает к услугам поселковых портних-недоучек». Она «одета скромно», например «в голубое или розовое платье», «не гонится за модой». Она «ведет себя культурно» — «не курит, не пьет вина, не употребляет грубых выражений». Она «не променяет производство на конторскую работу». Она «не заводит случайных знакомств в кино, в трамвае, на улицах», «знакомится в цехе, на вечерках, у подруг». Она «приглашает друга в театр или в кино на свои деньги, если у ее друга нет денег». Она «хочет быть хорошей общественницей и хорошей матерью».

Начиная с 1930-х годов начали пропагандироваться наряду с нормами советской мужественности и женственности и стандарты ухаживания, которые получили безоговорочное распространение и признание и в официальном дискурсе, и в повседневных практиках вплоть до конца 1980-х и продолжают быть актуальными в настоящее время. Советский стандарт ухаживания начал пропагандироваться в период сталинской кампании «культурности», когда успешному рабочему-стахановцу предписывалось дарить девушкам цветы, приглашать их в кино и в кафе-мороженое (Gronow 2001). Как пишет А. Роткирх, комплекс практик ухаживания и в 1970—1980-е годы включал в себя вежливое поведение мужчин в присутствии дам, покупку шоколадок или сигарет, помощь в переносе тяжелых сумок, приглашение девушки на прогулку, в мороженицу или в кино, после чего кавалер обязан был сопровождать ее до подъезда (Rotkirch 2000: 60).

«Моральный подход к браку» и «серьезность» любви

В работах советских идеологов начиная с 1920-х по 1970-е годы в качестве особенности советской семьи, в отличие от семей в капиталистических странах, называется то, что она основывается не на экономических связях супругов, а на их духовной близости. Эта концепция советской семьи уходит корнями в идеи Ф. Энгельса (Энгельс 1955, 1961, 1985), критиковавшего буржуазную семью, основанную на частной собственности и представлявшую собой микромодель классового общества, где мужчина является эксплуататором («буржуа»), а женщина — эксплуатируемой («пролетарием»). Ф. Энгельс предсказывал, что исчезновение частной собственности приведет к появлению нового типа семьи, основанного на «реальных отношениях». Отзвук энгельсовских идей прослеживается вплоть до 1980-х годов. Советские авторы, пи-

савшие о семье, продолжали доказывать, что «семья в СССР характеризуется постоянным усилением духовных связей и ослаблением экономических» (Елистраткина 1979: 85, Томин 1979: 106-107). Известный советский социолог семьи А. Г. Харчев неоднократно упоминает, что советская семья представляет собой особый тип семьи, и связывает это с особенностями экономических основ советского общества. Согласно А. Харчеву, «история советской семьи началась вместе с революцией, с экспроприации крупной собственности. ... Сама по себе экспроприация не затронула экономических основ подавляющего большинства семей, но подорвала веру в священность и незыблемость собственности как основы личного благополучия и способствовала уменьшению влияния собственнической морали на брачно-семейные отношения. Нравственная ценность богатства, а следовательно, и браков по расчету соответственно упала» (Харчев 1979: 136). Аналогично А. Харчев интерпретирует результаты массовых социологических опросов молодежи, проводившихся в конце 1950-х годов, и делает вывод, что «в случае возникновения несоответствия или противоречия между моральными и материальными условиями брака решают вопрос в пользу первых» и что «моральный подход к браку стал преобладающим в советском обществе» (Харчев 1979: 183). Проблемы советских семей он объясняет «пережитками собственнической мещанской психологии», «элементами старой семейной морали и старого быта».

«Моральный подход к браку» основывается на принципах «коммунистической морали», которой советские люди должны были следовать. Понятия «коммунистическая нравственность» и «коммунистическая мораль» были впервые определены В. И. Лениным во время Гражданской войны в 1920 году в речи «О задачах союзов молодежи» на III Съезде РКСМ (Ленин 1987) и обозначали мораль и нравственность, *подчиненные интересам классовой борьбы* в противоположность буржуазной морали, основывающейся на далеких от реальности религиозных идеалах. В дальнейшем ленинское определение морали было переформулировано журналистами центральной прессы применительно к задачам мирного периода и из него вывели тезис о совпадении личных и общественных интересов в советском обществе: «Совпадение личных и общественных интересов у нас в стране социализма есть выражение... принципа коммунистической морали. В органическом единстве личного и общественного — источник массового героизма людей нашей страны. Личное и обществен-

ное у нас переплетается на каждом шагу»⁵. В статьях идеологов и журналистов принцип «совпадения личного и общественного» превратился в норму подчинения личного общественному. Таким образом, согласно этим принципам сфера любви и семьи определялась официальным дискурсом как вторичная по отношению к сферам общественного производства и общественной жизни.

В соответствии с моральным правилом «совпадения личного и общественного» создается новая концепция любви. В очерках на бытовые темы «любовью» стали называть долгосрочный духовный союз, приводящий к созданию семьи, в которой предполагается воспитание детей в социалистическом духе. Настоящая любовь противопоставляется бесполезным, с точки зрения общества, мимолетным увлечениям и «безрассудной» страсти. Эта концепция была противоположна идеям 1920-х годов, когда страсть и любовь часто отождествлялись (Кон 1997: 117–138). Основой любви мужчины и женщины стали считаться не «естественные потребности», как в 1920-е годы, а общая работа, общие интересы, идейная бдительность. Именно общие интересы влюбленных и супругов, непременно совпадающие с интересами государства, должны были стать «морально-нравственной основой» советской семьи.

Принципы «коммунистической морали» в сфере любви и «половой жизни» в наиболее доступной большинству населения форме были изложены А. С. Макаренко в «Лекциях о воспитании детей», подготовленных им по заказу редакции радиопередач «Педагогическая пропаганда для родителей» Всесоюзного радио и прозвучавших осенью 1937 года. «Что требует общественная нравственность в вопросах половой жизни? Она требует, чтобы половая жизнь человека, каждого мужчины и каждой женщины, находилась в постоянном гармоническом отношении к двум областям жизни: к семье и к любви. Она признает нормальной и оправданной нравственно только такую половую жизнь, которая основывается на взаимной любви и которая проявляется в семье, т. е. в открытом гражданском союзе мужчины и женщины, союзе, который преследует две цели: человеческое счастье и рождение и воспитание детей. Отсюда ясны и цели полового воспитания: мы должны воспитать наших детей, чтобы они только по любви могли наслаждаться половой жизнью и чтобы свое наслаждение, свою любовь и свое счастье они реализовали в семье.

⁵ О морали // Комсомольская правда. 1938. 14 июля; Нужен ли большевикам кодекс морали? // Комсомольская правда. 1935. 3 августа.

Говоря о воспитании будущего полового чувства нашего ребенка, мы должны, собственно, говорить о воспитании его будущей любви и о воспитании его как будущего семьянина. Всякое иное половое воспитание будет обязательно вредным и противосоциальным. Каждый родитель, каждый отец и каждая мать должны поставить перед собой такую цель, чтобы будущий гражданин или будущая гражданка, которых они воспитывают, могли быть счастливы только в семейной любви и чтобы только в этой форме они могли искать и радостей половой жизни» (Макаренко 1984: 103).

***«Правильное» материнство, ответственное родительство
и счастливое детство***

В 1935 году газета «Комсомольская правда» публикует очерк «Частная жизнь», который положил начало серии подобных очерков и обсуждению писем читателей на темы молодой семьи, воспитания детей, материнства, отцовства и аборт⁶. Сюжеты этого и последующих очерков однотипны. Положительная героиня очерка — активная комсомолка, физкультурница, парашютистка, ударница на производстве или студентка. Ее муж — инженер, ударник, театрал и любитель чтения советской литературы и участия в диспутах. Когда она беременеет, выясняется, что он не готов иметь ребенка. После рождения ребенка ее попытки сохранить семью рушатся. Он уезжает работать в другой город и не возвращается. Она поражена случившимся с ней и остается одинокой матерью. В некоторых очерках излагается дальнейшее развитие событий. Он находит другую женщину, которая не хочет иметь детей и делает аборт. В дальнейшем у него просыпаются отцовские чувства. Но поздно — его легкомысленная подруга уже не может иметь детей. Она преждевременно состарилась и сожалеет о загубленной пустой жизни. Он после работы приходит на детские площадки, играет с чужими детьми. В дальнейшем он случайно встречает своего собственного ребенка и оставленную им первую жену, цветущую успешную женщину. Он понимает, что потерял... В этих очерках однозначно приветствуется решение женщины родить ребенка в любых обстоятельствах и осуждается равнодушие комсомольского комитета и трудового коллектива в том случае, если матери не оказывается

⁶ Частная жизнь // Комсомольская правда. 1935. 10 апреля.

моральная и материальная поддержка. Постоянно подчеркивается, что женщина должна гордиться материнством в любом случае, тогда как женщина, не имеющая детей, — «пустоцвет и достойна общественного порицания».

С начала 1930-х годов изменился также контекст обсуждения материнства специалистами. До начала 1930-х годов медицинские проблемы, связанные с беременностью и родами обсуждались специалистами (преимущественно врачами) независимо от ведущейся пропаганды материнства, его значимости для общества. В большей степени были политизированы социальные аспекты материнства, т. е. совмещение ролей матери и работницы (в особенности благодаря деятельности женотделов). В период первой пятилетки происходит политизация всех аспектов материнства, и оно превращается из периферийного вопроса в проблему государственной важности. В специализированных журналах, например «Охрана материнства и младенчества», «Акушерство и гинекология», сменились главные редакторы и начали публиковать статьи на общественно-политические темы. Медицинские аспекты стали подвергаться идейно-политическому контролю (Waters 1992).

Если в 1920-е годы плакаты, изображающие мать и младенца, можно было увидеть только в родильном доме или в женской консультации, с середины 1930-х годов они появились повсюду — на фабриках, заводах, в школах. Еще более активно образ женщины с ребенком стал тиражироваться советской пропагандой во время Второй мировой войны. Использование матери и младенца в политической иконографии было, по мнению Э. Уотерс (Waters 1992), не случайным и отражало потребность государства в апелляции к универсальным гуманным ценностям, которые могли быть выражены в объединяющих национальных символах. Жизнеутверждающий образ матери и младенца, символизирующий надежду на мирное будущее и стабильность, отвечал требованиям умиротворения общества, пережившего голод, чистки, вынужденные переселения, войну. В послевоенные годы женственность все больше ассоциировалась с материнством, проблемы женщин ограничивались материнскими проблемами. Героическая женщина довоенного периода, устанавливавшая мировые рекорды (летчица, парашютистка, мотоциклистка, физкультурница и т. д.), уступила место «женщине-матери».

Отличие новой идеологии 1930-х годов от раннего советского периода заключалось в наделении родительства не столько биологической, сколько социальной функцией. В 1920-е годы мень-

ше обсуждалось воспитание родителями детей. Ведущие советские идеологи создавали утопические теории, утверждавшие, что в будущем функция воспитания детей будет передана государству (Geiger 1968). Также в 1920-е годы много внимания уделялось проблемам совмещения материнских и производственных (общественных) обязанностей и проблеме детской беспризорности.

С середины 1930-х концепция воспитания изменилась. Наиболее важным институтом воспитания нового человека стала считаться советская школа, но и семье стало придаваться большее значение. Как и в других обществах (см.: Антонов и Медков 1996), в советском обществе семья определялась как значимый агент социализации и посредник между индивидом и обществом и, для того чтобы справляться с родительскими обязанностями, советские люди должны были быть идеологически грамотными, поэтому государство уделяло много внимания подготовке родителей. В этот период в прессе появляется большое количество газетных публикаций, где осуждается и невнимание родителей к успехам детей в учебе и их досугу, и чрезмерная родительская опека.

Поскольку одной из основных целей сталинской модернизации было «создание нового человека», особо важное значение стали придавать «правильному воспитанию с самого раннего детства» (Макаренко 1984: 59). Для советского времени характерна политизация воспитания детей, начиная с самого раннего возраста. В период с 1917 и до середины 1930-х годов были запрещены многие прежние развлечения и праздники (Рождество, Новый год, Пасха). Школьные программы радикально реформировались с учетом новых идеологических веяний. Во второй половине 1930-х годов получает развитие идеология *советского* детства, сочетавшего в себе до той поры «забытые» дореволюционные традиции и совершенно новые советские элементы. «Перегрузка» пионеров и школьников социально-политическим воспитанием начинает осуждаться. С 1 января 1936 года в детские сады и школы возвращается Дед Мороз, куклы и сказки (Thurston 1991). Возвращается представление о детстве как особом, формирующем и отличающемся от юности и от взрослости этапе жизни: «Детей у нас любят. Ими любят, к ребячьему лепету прислушиваются, как к музыке...»⁷ — подобные тексты стали все чаще появляться на страницах центральной прессы.

⁷ Искусство счастливых детей // Комсомольская правда. 1940. 12 мая.

Дети становятся одним из необходимых атрибутов «советскости» взрослых. Стахановцы и ударники начинают изображаться со своими детьми на фото в журналах и газетах, летчики берут детей с собой на парады, политические деятели также фотографируются «в окружении детей». Сам И. Сталин фотографировался с детьми и показывался в Кремле в сопровождении собственной семьи (Thurston 1991: 557). Появление детства и детей на плакатах и на страницах газет и журналов меняет представление о норме для взрослых. Героем первых послереволюционных лет был несгибаемый пролетарий или красноармеец, пожертвовавший всем во имя революции, а героиней — активистка, всецело преданная делу революции (Mally 1996). Если в 1920-е годы и возникал вопрос о детях, то чаще как о помехе социальной активности родителей. В 1930-е годы новые «герои» становятся более человечными, семейно ориентированными, с прозрачной публичной и частной жизнью.

В основных чертах советская идеология частной жизни в период ее формирования была столь же консервативной идеологией, как и в странах Запада в тот же период. Любовь рассматривалась как «серьезное» чувство, возникающее исключительно между людьми противоположного пола, которое приводит к созданию «здоровой советской семьи», где бездетность «воспринимается и самими супругами, и окружающими как симптом нравственной неудачи брака» (Харчев 1979: 185); количество детей в семье должно быть больше одного (Макаренко 1984: 62, Крупская 1980: 121); желательное отсутствие в биографии советского человека развода и параллельных сексуальных отношений.

Однако этот обыкновенный консерватизм был своеобразно окрашен советской идеологией. Одной из специфически советских особенностей было государственное регулирование сексуальности с помощью принципов «коммунистической», а не религиозной морали, и в качестве морального авторитета вместо церкви выступала партийная или комсомольская ячейка. Коммунистическая мораль обосновывала необходимость контроля государства за частной жизнью поиском политических врагов, истинное лицо которых проявляется в «бытовом разложении», в том числе в несоветском поведении в любви. Другой особенностью советской семейной идеологии была завуалированная пропаганда одинокого материнства и формирование нормы, согласно которой каждая взрослая женщина должна иметь хотя бы одного ребенка в браке или вне брака. Следствием этого было установление принципа

коллективной ответственности за любовь и ее последствия и, кроме того, ответственности государства за создание необходимых условий «выживания» для каждого человека.

Социальный контекст, во многом определявший индивидуальные решения, складывался не только из официальной советской идеологии, но из «объективной реальности», создаваемой экономической ситуацией в стране и законодательством в сфере семейно-брачных отношений.

Семейная политика и социальные проблемы

Подлинно радикальным, поражающим и вызывающим интерес западных современников и исследователей было советское законодательство 1920-х годов. Легализация аборта в 1920 году в особенности контрастировала с ситуацией в западных странах, где аборт разрешен не был (Кон 1997: 24, Sanjian 1991: 631). Необычной была легкость развода, особенно в период после 1926 года, когда можно было развестись, посыл открытку в ЗАГС в одностороннем порядке, не ставя в известность супруга. Большой отклик на Западе вызвало введение нового семейного кодекса 1926 года — приравнивание зарегистрированного брака фактическому союзу. Возможно, именно благодаря сравнительной радикальности законодательства и идеологии 1920-х годов сексуальная/семейная идеология и политика этого периода наиболее подробно изучены западными исследователями (Clements 1979, Farnsworth 1977, 1980, Geiger 1968, Goldman 1984, 1993, Quigley 1979, Stites 1978, Waters 1985, 1992 и др.). Как показывают эти исследования, принятие соответствующего законодательства в 1920-е годы было обусловлено не столько идеологическими принципами, сколько наличием тех или иных социальных проблем. И все же семейная идеология 1920-х годов характеризовалась следующими важными принципами, которые нашли отражение в законодательстве, а в дальнейшем постепенно были изменены: 1) декларированное стремление к достижению равенства возможностей мужчин и женщин в профессиональной самореализации и равенства их ответственности в семейной жизни; 2) принципиальная открытость дискуссии о «половой» жизни.

Сталинский период примерно с конца первой пятилетки до середины 1950-х годов принято считать периодом реакции, «сексуальным термидором» (Stites 1978, Кон 1997). Этот период характеризовался наиболее репрессивным законодательством, наи-

меньшей свободой индивидуального выбора и подчинением частных интересов индивидов и семей интересам государства. Наиболее значимым для повседневной жизни было постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 года «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»⁸. Согласно этому постановлению государство требовало, чтобы все беременности приводили к родам, при этом значительно увеличивались пособия на детей. Исследователи полагают, что эти меры преследовали одну цель — увеличение рождаемости с целью появления большего количества рабочих рук и солдат (Кон 1997, Thurston 1991, Alexandrova 1980, Geiger 1968). Согласно официальной версии принятие постановления было обусловлено тем, что СССР «стал мощным и богатым» и улучшились условия жизни населения, что позволило ликвидировать нищету — основную причину, заставлявшую женщин делать аборт (Крупская 1936). Кроме этого постановления можно отметить и другие законодательные акты, например запрет и уголовное преследование гомосексуализма (1934), запрет брака с иностранными гражданами (1947).

Все сохранившиеся после принятия постановления 1936 года свободы 1920-х годов были ликвидированы во время Великой Отечественной войны. В новом семейном кодексе от 8 июля 1944 года отменяются некоторые статьи кодекса 1926 года. В соответствии с новым законодательством юридически действительным стал лишь зарегистрированный брак. Кроме того, фактически возвращалось понятие «незаконнорожденность»: дети, рожденные вне брака, не имели права получить фамилию отца. Даже если отец хотел официально признать ребенка, последнему в принудительном порядке давалась фамилия матери, а в графе «отец» ставился прочерк. Также была институционализована и усложнена процедура развода: «Указ установил обязательность судебного расторжения брака с примирительным разбирательством в Народном суде и решением дела по существу лишь в вышестоящей судебной инстанции. Одновременно была повышена уплачиваемая при разводе пошлина. Дела о расторжении брака стала придаваться

⁸ О запрещении абортов... // Комсомольская правда. 1936. 28 июня.

широкая гласность: необходимость публикации в местной газете специального объявления о слушании таких дел, публичность самого судопроизводства, привлечение свидетелей. В результате в последующие годы, особенно после окончания Великой Отечественной войны и демобилизации ее участников, рост количества заключаемых браков значительно опережал рост населения» (Харчев 1979: 167–168).

Советский «сексуальный термидор» прежде всего сказался на положении женщин. В соответствии с законодательством 1944 года государство фактически возложило исключительно на женщин всю ответственность за последствия внебрачных сексуальных отношений. Они не имели права в случае беременности сделать аборт, а в случае рождения ребенка вне брака — потребовать от мужчины признания отцовства и материальной помощи. Как и в 1936 году, устройство законодательства сопровождалось увеличением пособий и данью уважения матерям. Были введены поощрительные титулы и награды за материнство — орден «Материнская слава», почетное звание «Мать-героиня» и «Медаль материнства». Была увеличена помощь от государства многодетным и одиноким матерям. Одинокие матери стали получать социальную помощь на ребенка в таком же размере, в каком получали замужние многодетные матери. Ответственность за внебрачных детей была переложена с мужчин-отцов на женщин и государство. Таким образом новое законодательство решало насущные послевоенные проблемы вдов-матерей и фактически стимулировало мужчин к безответственности в сексуальных отношениях, а женщин обрекало на одинокое материнство. В 1950-е годы количество одиноких матерей увеличивалось: если в 1945 году оно составляло 281,7 тысяч человек, то в 1957 году — 3312 тысяч, а в 1960 году — 2688 тысяч (Харчев 1979: 169). Одинокое материнство было обусловлено тем, что количество женщин репродуктивного возраста почти в два раза превышало количество мужчин той же возрастной группы. Для многих незамужних женщин одинокое материнство являлось сознательным «моральным выбором», вследствие широкой распространенности, а следовательно «нормальности» этого явления, и наличия государственного пособия, позволявшего свести концы с концами. Подобный индивидуальный выбор находился в полном соответствии с задачами государства. Эксперт по гражданскому и семейному праву А. Пергамент, комментируя в 1956 году семейное законодательство 1944 года, отмечала, что этот закон, несомненно, отходил от принципа равенства полов, но его принятие было про-

диктовано более важными государственными интересами, чем равенство мужчин и женщин — стабилизацией общества и повышением рождаемости (Lapidus 1978: 239).

После 1953 года начавшееся реформирование режима ознаменовалось в том числе бурной общественной дискуссией о законодательстве 1944 года и его негативных последствиях — неравенстве мужчин и женщин, неравенстве детей, рожденных в браке и вне брака, сложности развода. Рупором этой дискуссии стала пресса, главным образом газеты «Известия» и «Литературная газета». Специалисты в области права, педагоги, писатели, журналисты и просто читатели обсуждали сложные и неразрешимые семейные ситуации, возникшие в последнее десятилетие⁹. Не имея возможности получить разрешение на развод, семейные пары фактически разводились и создавали новые семьи, в которых рождались дети, получавшие фамилии того мужчины, с которым были некогда зарегистрированы отношения у их матери, а не своего фактического отца. Массовым стало явление юридического усыновления своих детей фактическими отцами. Другая обсуждавшаяся проблема — защита прав женщин, состоявших в таких фактических браках. При расторжении подобных союзов женщины не получали от отцов алиментов на содержание детей. Третья обсуждаемая проблема — это неравные права детей, имевших разные свидетельства о рождении. В октябре 1956 года писатели И. Эренбург и С. Маршак, композитор Д. Шостакович и профессор М. Сперанский направили открытое письмо в Президиум Верховного Совета СССР с требованием отменить статьи кодекса 1944 года, запрещающие вписывать в свидетельство о рождении внебрачного ребенка фамилию отца. Они утверждали, что запрет на признание отцовства по взаимному согласию родителей «противоречит советской морали» и нарушает Конституцию СССР, гарантирующую равные права мужчин и женщин, и что дети не должны расплачиваться за ошибки своих родителей (Piette 1960: 50–55).

После смерти И. Сталина постепенно начинается либерализация семейного законодательства. Указом Президиума Верховного Совета от 5 августа 1954 года снимается уголовная ответственность с женщины, сделавшей подпольный аборт, с 23 ноября 1955 года разрешен законный аборт в больнице по социальным и медицинским показаниям. Указ от 10 декабря 1965 года отменяет законода-

⁹ Жизнь требует исправления // Литературная газета. 1954. 16 января.
Существует ли любовь? // Литературная газета. 1956. 13 сентября.

тельство 1944 года о внебрачном отцовстве. Признается внебрачное отцовство по желанию обоих родителей, а в некоторых случаях — устанавливается по суду. Также отменяется публичное порицание разводов — т. е. обязательная публикация сведений о них в газетах. Новые Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, принятые 30 сентября 1968 года, упростили процедуру развода, узаконили аборт по личному желанию женщины и признание отцовства в метриках детей, рожденных вне брака по взаимному согласию родителей или по решению суда.

Период «застоя» характеризуется переходом «от командно-административных методов защиты брака и семьи к морально-административным» (Кон 1997: 118). В 1970-е годы законов, охраняющих соблюдение принципов «коммунистической морали», стало меньше, но следование или не следование этим принципам подвергалось не юридическому, а «товарищескому» (партийному) контролю и, соответственно, в некоторых случаях могло влиять на партийную и профессиональную карьеру. В этот период практиковалось обсуждение измен и разводов на партийных собраниях, а «отклонения» в интимной жизни могли использоваться для шантажа (Alexandrova 1980: 35, Кон 1997: 169). В то же время, несмотря на отсутствие публичных обсуждений вопросов секса, именно 1970-е и 1980-е годы характеризуются повышением значимости всех ценностей частной жизни (Shlapentokh 1989), «тихой сексуальной революцией» и появлением различных стилей сексуального поведения (Rotkirch 2000).

Официальная идеология и пропаганда, политика государства и реальные социальные проблемы вместе составляли тот контекст, в котором жили, устраивали быт и принимали решения советские граждане.

Советская система стратификации и повседневная мораль

Автобиографии и интервью показывают, как люди постепенно трансформировали официальные нормы в новую реальность — повседневную мораль, которая распространялась на весь спектр типичного, возможного, приемлемого поведения в сексуальной жизни (Rotkirch 2000: 12).

«Моральный облик» человека и его социальный статус были в советском обществе, как и во многих других, взаимосвязаны. Положение гражданина в советской системе иерархии определяло

возможности допустимого сексуального поведения и семейного положения. По сравнению со многими странами, в СССР особенно важно было политическое измерение неравенства (Берто 1996, Ильин 1996, Радаев и Шкаратан 1996). Эта особенность советской системы стратификации отразилась на частной жизни людей, находившихся в различном положении в социальной иерархии. В советском обществе «основным критерием социальной стратификации становится распределение власти, понимаемой ... как способность социального субъекта (индивида, группы) осуществлять свои интересы безотносительно к интересам других социальных субъектов» (Радаев и Шкаратан 1996: 269). Косвенными признаками, помогающими формализовать и исследовать властные отношения, являлись формальные ранги и сопряженные с ними привилегии. Объем власти и, соответственно, привилегий каждого индивида складывался из персонального ранга (аскриптивные статусы + должность + партийность) и корпоративного ранга (место работы). Радаев и Шкаратан (1996: 272–273) выделяют пять страт советского общества по этим критериям: «правлящие слои», «передаточные слои», «исполнительские слои», «иждивенцы» и «парии». Подобное деление в целом характерно для всех периодов существования советского общества, начиная с 1920-х и заканчивая 1980-ми годами. За исключением категории «иждивенцев» (дети, учащиеся, домашние хозяйки), социальный статус индивида определялся политическим статусом его самого и членов его семьи.

Принципы «коммунистической морали» распространялись на всех, но «образцово-показательной» группой объявлялись представители тех слоев, которые были ближе к распределению власти и пользовались наибольшими привилегиями. Поэтому доступ к привилегиям и подотчетность поведения в личной жизни были связаны — личная жизнь комсомольцев и коммунистов контролировалась в первую очередь. В довоенный период этот контроль был более регулярным, а в послевоенный период он стал ситуативным: моральные взыскания применялись иногда, только при необходимости.

Значительно меньше интереса власти проявляли к привычкам аполитичного большинства, т. е. людей, чьи решения в меньшей степени могли влиять на распределение позиций и привилегий. Поэтому идеология регулирования частной жизни отразилась по-разному на повседневных практиках правящих и передаточных слоев (советской номенклатурной элиты), политически нейтраль-

ного большинства — исполнительских слоев и «парий» (девиантов и, в особенности, политических врагов режима).

«Исполнительские слои»

Рассмотрим, как отразилась советская идеология и социальная политика на повседневной морали исполнительских слоев.

Принцип официальной идеологии, согласно которому советский брак должен быть основан прежде всего на любви («реальных отношениях»), а не на корыстном расчете, стал частью повседневной морали. Анализ автобиографий информантов, проведенный А. Роткирх, показал, что браки по расчету считались дурным тоном. Если в автобиографиях и встречаются рассказы о потенциальном союзе с «богатыми людьми», т. е. обладателями дачи и «жигулей», то лишь в тех случаях, когда автор автобиографии героически отклонил возможность такого союза (Rotkirch 2000: 85, 111–112).

Расхождения между официальной и повседневной моралью касаются длительности романтической любви и браков, основанных на ней. Советскими людьми скорее поощрялось, чем осуждалось, решение, принятое из романтических побуждений, «по большой любви», даже если это приводило к разрушению семьи (Rotkirch 2000), тогда как в советской пропаганде, а также в социологической и педагогической литературе подобный подход не афишировался. Напротив, хотя советский брак должен был быть основан на любви, но на такой любви, которая «согласуется с другими нравственными ценностями» (Харчев 1979: 180–181). Для официальной идеологии любовь должна быть *серьезной*, она возникает один раз и навсегда, а в повседневной морали любовь принимает разные формы и содержание.

Несоответствие официальной и повседневной морали в представлении о романтическом ухаживании касалось допустимости добрых сексуальных связей для молодых женщин. Согласно официальной норме, пропагандируемой в опубликованных брошюрах и популярных советах специалистов, романтическое ухаживание не должно было включать сексуальные отношения, и эти ценности соответствовали повседневной морали вплоть до конца 1960-х годов. С 1970-х годов в некоторых социальных средах добрый сексуальный опыт стал нормой (Голод 1996: 45–65, Rotkirch 2000: 59–76), тогда как официальная точка зрения оставалась прежней.

Пропаганда материнства как главной и почетной обязанности каждой женщины нашла выражение в повсеместно распространенном мнении о некоторых неотъемлемых составляющих женственности: женщина, во-первых, должна вступить в первый брак в возрасте 20—25 лет и, во-вторых, родить за жизнь как минимум одного ребенка, предпочтительно в зарегистрированном браке. Женщину незамужнюю и не имеющую детей считали несчастной и почти ненормальной, тогда как статус разведенной женщины с ребенком был приемлемой нормой (Rotkirch 2000: 111). Как отмечает А. Роткирх, «если возможно говорить о существовании единой модели советской семейной жизни, то она основана на социально-экономической модели работающей матери и социально-культурной модели расширенного материнства» (extended mothering). Мать и ребенок, а не супружеская пара, как в европейских странах, составляли ядро обычной советской семьи, организованной вокруг попеременной заботы о детях не только матери, но и других женщин, при необходимости заменяющих мать. В такой семье мужчина-кормилец мог в принципе отсутствовать, и это определяло слабую позицию мужчины в структуре семьи.

Признаваемая повседневной моралью нормальность статуса разведенной одинокой матери противоречила декларируемым принципам коммунистической морали, выступающей за «здоровую советскую семью». В то же время нормализация одинокого материнства была прямым следствием социальной политики государства, обеспечивавшего начиная с 1936 года достаточные для выживания пособия одиноким матерям, пропагандирующего материнство как главную обязанность женщины перед обществом. Стигматизация одиноких женщин и демографический кризис в стране в 1940—1960-е годы, когда количество женщин репродуктивного возраста почти в два раза превышало количество мужчин, также способствовали утверждению этого статуса женщины. Кроме того, женщины старшего поколения, измученные тяжелой жизнью одинокой матери, мечтали только об одном — чтобы их дочери вышли замуж, и всячески пытались подготовить их к этому в процессе воспитания. Этими условиями отчасти объясняется норма раннего вступления в брак для женщин (Alexandrova 1980).

Одним из последствий подобной политики советского государства в сфере семьи было также и другое «нормальное отклонение» от официальной морали — практика фиктивного брака, т. е. регистрация брака по мотивам не связанным с целью создания семьи.

Существовало несколько мотивов заключения подобной сделки: получение (восстановление) прописки в крупном городе, потребность в деньгах или других материальных благах, улучшение жилищных условий, продажа квартиры или комнаты, желание символизировать свою «взрослость» и социальную полноценность или скрыть гомосексуальную ориентацию, желание помочь кому-то из знакомых (Топорова 1998). Заключение фиктивного брака-сделки, не только официально порицаемого, но и противозаконного, было в то же время вынужденной мерой для многих людей, особенно для имевших потребность в прописке или улучшении жилищных условий. Как было сформулировано в одном из интервью: «Такие законы дурацкие, что, чтобы их как-то обойти, к фиктивному браку приходит, наверно, каждый десятый ...» (Топорова 1998: 24). Совпадение или расхождение официальных и неофициальных норм было обусловлено, как правило, тем, насколько официальные нормы совпадали или расходились с повседневной реальностью, экономической и демографической ситуацией и законодательством. Нормы повседневной морали обычно в большей степени отражали потребности населения и возможности их реализации.

К «исполнительским слоям» принадлежало большинство жителей советских крупных городов. Именно это большинство, не формируя активно идеологии и не участвуя в принятии законов, в повседневной жизни преобразовывало официальные моральные нормы и создавало реальность советской повседневной жизни. Значительную часть тех, кого в советской системе стратификации можно отнести к «исполнительским слоям», составляли так называемые «новые люди» и их культурные преемники. «Новые люди» 1930-х в основном являлись горожанами в первом поколении и отличались тем, что в ходе социального продвижения они опирались на советскую идеологию и социальную политику. Люди со схожими социальными характеристиками в дальнейшем являлись «продуктом» приспособления к реальности и трансформации этой же идеологии.

Исследования показывают, что для большинства населения в позднесоветский период в целом характерна непрочность гетеросексуальных отношений — легкость развода и вступления в повторный брак, наличие хотя бы одного ребенка у каждой взрослой «нормальной» женщины, независимо от присутствия и роли отца ребенка в процессе воспитания, отрицательное отношение к доминированию материальных факторов над личными отношениями (Rotkirch 2000).

*«Правящие и передаточные слои»
(советская номенклатурная элита)*

Как пишет И. Кон (1997: 178), для представителей советской номенклатурной элиты, которая в основном состояла из мужчин, было характерно следующее: с одной стороны, необходимость сохранения семейного «статуса-кво» (обязательность наличия супруги, внешняя прочность семьи, отсутствие разводов); с другой стороны, возможность тайной, «двойной» жизни в форме престижного потребления — наличие постоянных любовниц или даже «гаремов», посещение «саун с девочками» и т. д. В данном случае можно говорить не о большей или меньшей распространенности такой модели отношений в семьях элиты, но исключительно о нормах поведения.

Для того чтобы объяснить модус сексуального и семейного поведения советской элиты, надо обратить внимание на контраст практик высших и исполнительских слоев. Для последних романтическая любовь, измена, сходство и несходство характеров могли быть достаточной причиной для развода, поскольку экономических причин, заставлявших сохранять несчастливый брак, было немного вследствие материальной независимости женщин. Чем выше статус, тем в большей степени развод мог ограничить доступ представителя советской элиты к возможным позициям и привилегиям. И. Кон (1997: 169) в качестве примера приводит поездки за границу. Он описывает, как в 1978 году перед самым вылетом в Швецию на Международный социологический конгресс выездная комиссия ЦК КПСС исключила из состава делегации двух профессоров Московского университета только потому, что они дважды развелись (хотя на момент поездки оба снова состояли в браке).

Брак представителей элиты был основан на семейной роли мужчины-добытчика. Разрушение такой семьи приводило к ухудшению благосостояния обоих супругов, поэтому для них официально зарегистрированный брак являлся взаимовыгодным контрактом. Одной из сторон этого контракта была передача благосостояния и привилегий по наследству, и соответственно, как предполагают некоторые исследователи (Geiger 1968, Pierre 1960), в кругах элиты наблюдалась склонность к организации родственных «альянсов». Подобный тип семьи в наибольшей степени напоминает семьи представителей высших и средних слоев классов западных стран в тот же период времени: наличие

мужчины-кормильца, сложность расторжения брака, обособленность представителей элиты, способствующая воспроизводству этого круга.

Наличие «двойной жизни» у представителей элиты, которая в некоторых случаях являлась элементом престижного потребления, может быть объяснена так же, как и любая другая «теневая» деятельность советских людей. Авторы исследований (Voronkov and Chikadze 2002, Воронков и Чикадзе 1997, 2001) показывают, что советских людей объединял «неписанный кодекс»: разделяемое знание о том, что дозволено в публичной сфере, что в публично-приватной (с друзьями, на кухне, на даче) и что только в приватной сфере. Можно предположить, что сексуальные «излишества» как «престижное потребление» и двойная жизнь советской элиты в данном случае являются столь же скрываемыми в официальной публичной сфере, но в то же время полуразрешенными в приватно-публичной, среди «своих», практиками, такими как рассказывание анекдотов, антисоветские разговоры на кухне, взятки и прочая «теневая» активность советского населения.

«Парии»

Для социального слоя «парий» характерно то, что они, в отличие от представителей элиты и от «исполнительских слоев», нарушали неписанный кодекс поведения нормального советского человека и открыто, а зачастую демонстративно проявляли себя как «несоветские» люди. Поэтому они не могли рассчитывать на какие-либо привилегии со стороны государства и, следовательно, на них не распространялся «морально-административный контроль» и его санкции. Воздействовать на их поведение можно было только с помощью административного и уголовного кодекса.

К группе «парий» относились асоциальные элементы (например, нарушители трудовой дисциплины, алкоголики), люди, находящиеся в самом низу социально-профессиональной иерархии (мигранты-нелегалы, живущие без прописки, люмпены, разнорабочие), и политические враги режима. Объединение этих разных по социальным характеристикам групп в одну социально-структурную категорию произошло еще в период первой пятилетки в конце 1920-х — начале 1930-х годов (Герасимова и Чуйкина 2000). Хотя в послевоенные годы изменялось представление о том, кто

может быть отнесен к «асоциальным элементам», а кто — к «врагам режима», разнородная по социальному составу страта «парий» сохранилась в качестве стратификационного слоя до конца 1980-х годов.

По сравнению со всеми другими представителями советского общества, «парии» характеризуются большей нестабильностью в семейной жизни. Для политических врагов режима эта нестабильность была скорее вынужденной и вызванной вмешательством государства в их частную жизнь. В довоенный период коллективизация, репрессии и ссылки способствовали насильственному разрушению многих семей (Thurston 1991, Geiger 1968). В 1960—1980-е годы семьи диссидентов разлучались (на время) вследствие арестов (Чуйкина 1996, Tchouikina 1996, 2000). Люди, находившиеся на «дне» общества по неполитическим причинам (нелегалы, алкоголики), имели опыт сексуального насилия, промискуитета, инцеста, и нормализация личной жизни описывается ими в автобиографиях как один из признаков повышения их социального статуса (Rotkirch 2000).

Для тех, чье пребывание в числе «парий» было сознательным выбором, кроме вынужденной нестабильности в семейной жизни, было характерно также «инакодействие» в этой сфере, мотивированное стремлением к тому, чтобы не столько взгляды на жизнь, сколько сама биография и образ жизни были бы «несоветскими». В 1920-е и 1930-е годы символическим проявлением несоветскости было следование дореволюционным ритуалам, например венчание в церкви. В 1960—1980-е годы «репертуар» несоветского поведения в частной сфере был весьма разнообразен: например, церковная регистрация брака и крещение себя и детей или, наоборот, совместная жизнь без регистрации брака, не скрываемая частая смена партнеров и богемный, несемейный образ жизни во всех его проявлениях. «Инакодействие» в сексуальном поведении было характерно в 1970-е годы для тех, кого стали позже называть «нонконформистами», «неформалами», хиппи, для обитателей «флэтов» и «тусовочных» кафе «Сайгон», «Гастрит», «Малая Садовая» (Zdravomyslova 2002). Представители поздней волны диссидентского движения говорили в интервью, что для них «сексуальная революция была и лозунгом, и символом, и знаменем». Для диссидентских кругов конца 1970-х годов, как и для нонконформистов, было характерно презрение к «загсовскому штампику» и «обывательскому» быту (Tchouikina 1996, Чуйкина 1996).

*Субкультурные и традиционные среды внутри
«исполнительских слоев»*

Неприятие норм поведения, предписанных «простому советскому человеку», наблюдалось в небольших, внутренне интегрированных социальных средах, следовавших досоветским консервативным традициям. Эти среды могут быть отнесены к «исполнительским слоям» советской стратификационной системы. Здесь нормы поведения молодежи контролировались в семье представителями старшего поколения или же религиозными и национальными моральными установками в большей степени, чем в других кругах. Среди тех, кого можно отнести к «исполнительским слоям» и кто жил в соответствии с иной моральной нормой, чем большинство населения, можно выделить следующие социальные среды.

Во-первых, некоторые представители этнических меньшинств, например татары (Карпенко 1998), несмотря на ликвидацию в публичной сфере этнической общины и ее экономических ресурсов, старались не потерять свою веру и «нацию». Поэтому старшие родственники контролировали создание семей младшего поколения. Считалось особенно важным не включать в семейный клан иноверцев, а выбирать в качестве супруга кого-то из «своих».

Во-вторых, особая модель семейных отношений характерна для слабо ассимилированных крестьянских семей, выходцев из деревни, переехавших в город. Такие сообщества существовали в 1930-е годы (Витухновская 2000а и 2000б, Герасимова и Чуйкина 2000), и затем они вновь появились в послевоенные годы. Мигранты 1950-х годов «оставались полукрестьянами-полугорожанами». «Вступая в брак... искали себе «ровню», т. е. супругу (или супругу) из той же среды, с теми же взглядами на жизнь» (Малышева 1996: 81). В таких семьях супруги предпочитали, чтобы женщины не работали или работали в частном секторе (нянями, домработницами), и это считалось в этих сообществах «нормой», что не соответствовало доминирующему гендерному контракту «работающей матери» (Temkina and Rotkirch 1997).

В-третьих, представители университетской и академической среды, потомки «старой интеллигенции», пытались сохранить свое отличие от «советской интеллигенции». В семьях, принадлежавших к этой среде, был в целом более силен контроль со стороны старшего поколения, существовало представление о «мезальянсах», предъявлялись требования интеллигентности партнера, воспитывались ориентации на прочность брака.

Описание социальных сред, которые в советской системе стратификации принадлежали к «исполнительским слоям», но не разделяли широко распространенные в этом слое нормы повседневной морали и следовали своим собственным нормам, приведено в качестве примера и не исчерпывает всего разнообразия социальной жизни.

Заключение

Характерный для советского государства принцип регулирования сексуальной жизни, сформулированный в лозунге «быт неотделим от политики», нашел отражение в идеологии и пропаганде, в законодательстве и отчасти в организации повседневной жизни населения.

Советская государственная идеология утверждала, что социалистическое общество характеризуется новым, по сравнению с капиталистическими странами, типом семьи и новой моралью. В рамках марксистско-ленинской теории это связывалось с господством общественной формы собственности при социализме и соответствующим ей общественным сознанием народа. Согласно идеологии и пропаганде, в сознании социалистического человека общественные интересы должны были преобладать над личными. Коммунистическая мораль должна была регулировать все сферы жизнедеятельности человека, и поэтому необходимо было ей соответствовать на производстве и в быту. Этот идеологический постулат стал обоснованием контроля государства за частной жизнью.

Исследователи отмечают, что государство соперничало с институтом семьи за преданность индивидов (Thurston 1991, Geiger 1968). В государственной семейной политике идеологический тезис о том, что частное есть политическое, отразился при принятии законов, в приоритете нужд государства, а не индивидуальных потребностей. Организация частной жизни должна была обеспечивать потребности государства в решении демографических проблем и обеспечении предприятий женской рабочей силой. Американская исследовательница Г. Лapidус указывает на разительный контраст государственной идеологии и политики в сфере семьи в СССР и США. В США пропагандировалось отношение государства к семье как к частному, автономному институту, не доступному для прямого вмешательства. При этом роль семьи в самореализации индивида подчеркивалась всегда в большей сте-

пени, чем выполнение этим институтом задач государственной политики. Обеспечение нужд государства институтом семьи в США осуществлялось скрыто. В СССР, наоборот, семья открыто рассматривалась как возможный объект для государственного влияния и возможность воздействия государства на поведение граждан всегда публично обсуждалась (Lapidus 1978: 233–234).

Благодаря значимости советских политических каналов социальной мобильности в СССР возникла система ведомственных поощрений-привилегий, доступ к которым зависел от членства в КПСС и от занимаемой должности, и эта система предопределяла неравенство в снабжении населения. Поэтому различия в организации повседневной жизни и быта (семейная жизнь, домашний обиход, проведение досуга и отпуска) были непосредственно связаны с политическими различиями, тем более что доступ к элитным благам покупался в том числе ценой соблюдения определенных правил поведения в частной жизни.

В условиях отсутствия свободы слова, открытого выражения политических взглядов и наличия государственной монополии на определение критериев «настоящего искусства» и «настоящей литературы» политическая и культурная оппозиция была полуподпольной и преследуемой. Нелегальная политическая и контркультурная деятельность была неизбежно связана с семейной жизнью, поскольку она могла осуществляться исключительно в частных квартирах. В жизни противников советского режима советский принцип «быт неотделим от политики» проявился в полной мере.

Социологические исследования показывают, что большинство населения, вопреки официально декларируемым принципам приоритета общественных интересов над личными, в послевоенный период было равнодушно к общественным ценностям и направляло все силы и время на семейные дела и дружеские отношения (Shlapentokh 1989). Повседневная жизнь советских граждан была, таким образом, в значительной мере отделена от политики, при этом контроль общества и государства за интимными отношениями в принципе оставался легитимным. Многими советскими людьми отношения между супругами и воспитание детей воспринимались как дела не только личные, но и общественные. Яркой иллюстрацией этого служат истории, рассказываемые в интервью (об этом также пишет Кон 1997: 169), об обращении жен неверных мужей в партком по месту работы даже в том случае, когда мужья были беспартийными. Другой иллюстрацией является язык

интервью о сексуальности. В этих интервью, особенно с женщинами, рассказчицы часто представляют себя жертвами обстоятельств, а не активными людьми, делающими выбор или принимающими решения. Эпизоды семейной и сексуальной жизни обычно описываются с использованием пассивного залога: «пришлось», «был(а) вынужден(а)». Вынужденность поступков представляется одним из лейтмотивов рассказов о сексе и семейной жизни советских людей.

Особенностью позднего советского общества является то, что индивидуальный моральный выбор определялся в значительной мере сталинской «новой моралью», основным принципом которой на практике стало *подчинение обстоятельствам*, что разительно отличалось от идеологии Западного общества того же периода, где дискуссия о сексуальности была связана с проблематикой *удовлетворения желаний*, порождаемых рыночной экономикой, и открытостью секса для публичного обсуждения.

© Чуйкина С., 2002

